

ЧЕЛЯБИНСКИЙ КОСТЕЛ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НАЦИОНАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРИХОДА НА ОСНОВЕ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

А. Н. Андреев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье впервые выявляется национальный и социальный состав прихожан челябинской католической церкви, анализируются направления миграционных потоков католиков на Южный Урал, определяется география их происхождения. Попутно уделяется внимание некоторым социальным процессам (внутренним миграциям, вертикальной мобильности) и демографическим тенденциям в конфессиональном сообществе. Исследование построено на статистическом анализе базы данных челябинских католиков, сформированной на основе впервые вводимых в научный оборот метрических книг костела за 1907–1914 гг. Автор делит приход на две части: городскую, которую составляла община Челябинска с численно преобладавшими поляками, и сельскую, представлявшую католиками в уездах и почти полностью состоявшую из немцев. Установлено, что большинство поляков прихода были выходцами из Седлецкой губернии, а немцы преимущественно происходили из Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний. Конфессиональное сообщество челябинских католиков признано полиэтническим, поэтому предметом анализа в статье выступают также белорусская, украинская и литовская диаспоры города. Исследование показало, что в челябинской общине и в приходе в целом преобладали лица крестьянского сословия. Среди челябинцев католического вероисповедания ощутимый процент составляли мещане (13,1 % всех отмеченных в метриках мужчин) и дворяне (9 % в той же категории лиц), тем не менее городская община расценивается прежде всего как крестьянско-разночинная.

Ключевые слова: католики Челябинска, национальная структура прихода, социальная структура, миграции населения, колонисты, метрические книги, дескриптивная статистика, историческая демография.

Введение

В условиях происходящих сегодня социальных трансформаций (миграций, ассимиляций и, наоборот, попыток этнорелигиозной самоидентификации) вопросы статистического учета и социального облика неправославных групп населения привлекают все большее внимание историков. Наиболее обоснованные выводы о структуре инославных диаспор при этом получают путем анализа баз данных прихожан костелов и кирок, учитывающих верующих персонально и с большой выборкой. На материалах Челябинска и вообще Южного Урала такие базы данных только начинают создаваться – данная статья манифестирует их появление и вообще инициирует историко-демографические исследования на местных документах. Целью статьи является системное решение вопроса о социальной и национальной структуре католического населения Челябинска и его округа в начале XX столетия, во время активного формирования в городе «латинского» прихода. Достижение цели предполагает решение таких задач, как выявление национального и социального состава прихожан челябинской католической церкви, анализ направлений миграционных потоков адептов католичества на Южный Урал и определение географии их выездов, воссоздание коллективного портрета челябинского католика. Решение задач производится с опорой на метрические книги челябинского костела 1907–1914 гг. – впервые вводимый в научный оборот источник.

Обзор литературы

Литература не дает развернутых сведений о составе челябинского католического прихода в какой-либо период его истории и никак не характеризует происходившие среди его членов социальные и демографические процессы. Историки ограничиваются признанием факта, что среди челябинских католиков преобладали поляки и немцы, однако их соотношение не выявляется, а наличие других национальных групп верующих не обосновывается [1, с. 24; 2, с. 4–5]. Метрические книги челябинского костела, содержащие данные о нескольких тысячах прихожан, а потому, как никакой другой источник, способные послужить воссозданию структуры католического населения, исследователям почти неизвестны. Между тем демографическое изучение метрик инославных приходов в других регионах страны предпринималось неоднократно, например, в Сибири, Поволжье, Санкт-Петербурге [3–5]. Специалистами давно доказано, что метрики обладают большим информационным потенциалом и являются главной основой для исторической реконструкции регионального социума. На Урале единственным комплексным и, что очень важно, концептуальным исследованием инославных приходов с опорой на церковные реестры остается проект екатеринбургских ученых «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX –

начале XXI вв.»), в 2015 г. поддержанный грантом РФФИ. В рамках данного проекта были впервые выделены и проанализированы социальные и демографические структуры екатеринбургских католиков [6–7]. Думается, однако, что исследование католического сегмента южно-уральского социума обладает не меньшей значимостью для постижения «евразийского» характера социального и культурного пространства Урала.

Методы исследования

Исследование осуществлено в рамках «новой исторической демографии» [6, с. 69]. При работе с метрическими записями использовался метод сплошного изучения номинативных источников с последующим формированием на их основе алфавитной базы данных. Полученный формализованный массив информации о прихожанах исследовался с помощью методов дескриптивной (описательной) статистики.

Результаты и дискуссия

Челябинский приход представлял собой особый социальный организм, основные параметры которого выявляются по метрическим записям (реестрам родившихся и крещенных, вступивших в брак и умерших). В процессе их изучения была создана обширная база данных «Челябинские католики начала XX века», представленная в двух частях¹. Первая часть содержит перечень крещенных в приходе детей (преимущественно челябинцев) с указанием родителей и крестных [8], а вторая – перечень взрослых прихожан и лиц из их социального окружения (фамилии и имена вступивших в брак, погребенных в приходе, родителей крещенных младенцев, а также имена восприемников, свидетелей таинств) [9–11]. Анализ базы данных впервые позволил сформулировать научно обоснованные выводы о социальных и демографических параметрах челябинского католического социума.

База данных включает в себя сведения о 752 детях, большая часть из которых родилась в период 1907–1914 гг. (547 из них являлись жителями Челябинска и ближайших окрестностей). Соотношение мальчиков и девочек среди крещенных в Челябинске составило 287 к 260, а среди крещенных в приходе в целом – 912 к 878, что является нормой половой дифференцировки новорожденных [12, с. 95]. Показатель младенческой смертности (детей в возрасте до одного года) среди челябинских католиков в 1907–1914 гг. составил 14,3 % (78 случаев на 547), что примерно в два раза ниже общероссийских показателей начала столетия (младенческая смертность в России в целом в то время была зафиксирована на уровне 27–30 %). Низкий показатель младенческой смертности вообще был характерен для российских католиков и лютеран:

например, среди общин этих конфессий в Саратовской губернии он составлял 16,3 %, в то время как у православных – 28,7 % [13, с. 47]. Исследователи связывают это с тем, что лютеране и католики, в отличие от православных, долгое время оставляли своих детей на грудном вскармливании [13, с. 47]. Однако совокупный показатель младенческой и детской смертности (в возрасте до 15 лет) у челябинских католиков оставался довольно высоким – 27,6 % (151 случай на 547 человек). Чаще всего диагноз у скончавшихся младенцев не был поставлен, но среди установленных причин смерти лидируют такие заболевания, как воспаление легких, скарлатина, менингит, коклюш, оспа. Дети постарше часто умирали от оспы, скарлатины, кори, кишечных инфекций. Неудивительно, что, согласно церковным реестрам, более половины всех погребенных в 1907–1914 гг. католиков составляли дети (50,2 % в Челябинске и 52,4 % в приходе в целом).

Процент незаконнорожденных детей (прижитых вне венчанного брака) был незначительным – 3,1 % в Челябинске (17 случаев на 547) и всего 1,5 % по общим приходским данным (27 на 1790). Это доказывает, что католики прихода редко вступали во внебрачные связи, и особенно строгие нравы царили в сельской местности.

База данных учитывает более 2 тыс. взрослых католиков (лиц старше 15 лет²), из которых 1473 человека (785 мужчин и 688 женщин) проживали в Челябинске и ближайших окрестностях. Даты рождения их детей, сведения об участии в крещениях детей других католиков в качестве восприемников, а также даты смерти и вступления в брак позволили определить временные интервалы их присутствия в общине. Таким образом, был установлен персональный состав челябинской (городской) общины по годам. Динамика изменения численности католиков, персонально учтенных в метриках за отдельные годы, представлена на рис. 1.

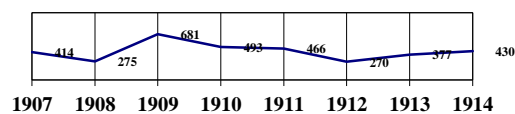

Рис. 1. Численность персонально учтенных взрослых католиков в Челябинске по метрическим записям 1907–1914 гг.

Fig. 1. The number of personally registered adult Catholics in Chelyabinsk according to the metric records of 1907–1914

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о численности католиков в Челябинске за разные годы³ позволяют установить процент персонально учтенных верующих – он колеблется от 19 % в 1912 г.

² Обычный возраст конфирмации у католиков в России.

³ Данные о численности взрослых католиков имеются в адрес-календарях и памятных книжках Оренбургской губернии за 1906–1912 гг., ссылки на которые из экономии места здесь опускаются.

до 46 % в 1909 г., а в среднем составляет 30 %, то есть в базе данных зарегистрирован почти каждый третий католик, живший в городе в 1907–1914 гг. Безусловно, метрики отражают большую часть постоянных и активных прихожан. Полученный массив данных, таким образом, представляет собой достаточный объем выборки для статистических исследований.

У подавляющего большинства католиков челябинского прихода национальность определяется по месту рождения (метрики зачастую фиксируют волость, город или село, откуда прибыл католик-мигрант). Сведения о составе населения губерний, уездов и волостей по переписи 1897 г. дают необходимые для того основания. Например, крестьянин Матвей Цвикиевич в документах отмечен как выходец из Мытлянской волости Лидского уезда Виленской губернии, в которой в основном проживали белорусы (более 80 %), следовательно, его целесообразно относить к белорусам. Носители немецких фамилий из колонистов юга Украины и Поволжья однозначно являлись этническими немцами. Наряду со сведениями о месте рождения для установления национальной принадлежности широко использовались данные антропониимики. По ономастическим основаниям (исходя из характерных личных имен и фамилий) были причислены к полякам германский подданный Феликс Антонович Валецкий и троицкий служащий Адам Вардзинский, к литовцам – крестьяне Ковенской губернии Антон Жиргулис, Иван Кличунас и другие.

Прихожане костела, проживавшие в сельской местности, почти сплошь были представлены немцами. Только 7 % из них, судя по реестрам крещенных детей и перечням погребенных, являлись поляками. Немцы-поселяне стали прибывать на Южный Урал уже в конце XIX столетия, однако массовые переселения относятся к началу нового века и во многом связаны со столыпинской аграрной реформой. Географию выходов южно-уральских немцев трудно признать обширной: большинство поселенцев прибыло из Мелитопольского уезда Таврической губернии и Одесского уезда Херсонской губернии. Так, родиной большинства немцев являлась Пришибская волость Мелитопольского уезда, из которой происходили такие семьи, как Ангальт, Бильман, Бернгард, Вильгаук, Гальфингер, Гардок, Гартлиб, Гартман, Гервек, Камерлохер, Каспер, Мозер, Мор, Мумберг, Прейнерт, Фишер, Шлее, Шлейхер, Яуфман и десятки других. Немногим меньше обнаруживаем выходцев из Ландауской волости Одесского уезда Херсонской губернии – например, Гаммель (Хаммель), Гершпигель, Дукарт, Кауль, Кук, Кригер, Урмахер, Функ, Шваб, Штольц, Штурм и другие. Документы фиксируют уроженцев Михайловской и Ореховской волостей Мелитопольского и Бердянского уездов Таврической губернии. Помимо Ландауской волости материнские колонии южно-уральских немцев располагались и во многих

других частях Херсонской губернии – в Гильдендорфской, Петровской и Страсбургской волостях Одесского уезда (оттуда происходили фамилии Гофман, Штеклер и Шнейдер); в Кассельской волости Тираспольского уезда (семья Нис); в Раштадтской волости Ананьевского уезда (Гейль и Гоффер); в Старошведской волости Херсонского уезда (семья Айсвирт, Гофман, Менгель, Красман, Рыбергер, Шперлинг и иные).

Почетное третье место по количеству выходцев немецкой национальности занимает Екатеринославская губерния. Из Екатеринославского уезда этой губернии на Южный Урал прибыли семьи Гласс, Кальтейс (Кальтвейс), Монтаниоль, Цейгер, Шоттер (Ямбургская волость), Донгауэр, Класс, Шефнер (Новопокровская волость); из Александровского уезда – семьи Шульц (Гуляйпольская волость) и Риш (Заливьянская волость); из Бергтальской волости Мариупольского уезда – Шеленберги; из Иосифовской волости Новомосковского уезда – клан Мор; из Добровольской волости Павлоградского уезда – клан Менгель. Некоторые фамилии представляли Полтавскую губернию – Аде, Гельмелль (Хельмелль) и Шелль, происходившие из Дарнадежинской волости Константиноградского уезда. Главными причинами их поселения в Оренбургской губернии и Тургайской области стали дефицит земли в материнских колониях и стремление за счет правительственных субсидий и льгот наладить продуктивное хозяйство на новом месте.

Особое внимание следует обратить на то, что в челябинском приходе было совсем немного переселенцев из старинных немецких колоний Поволжья. Среди таковых – уроженцы Камышинского уезда Саратовской губернии Йозеф Буш, Михаэль Гринвальд и Иоганн Крюгер; выходцы из колоний Новоузенского уезда Самарской губернии Иоганн Галь, Якоб Киндеркнехт, Николай Сандер, Иоганн Франк, Петер Эккерман и некоторые другие. Почти все они перестали заниматься сельским хозяйством, обосновавшись в Челябинске, Карабаше и Троицке. Изредка немецкие поселенцы перебирались на Урал из Сибири, как, например, Иоганн Дейбель и Иоганн Гейер из Славгородской волости Барнаульского уезда Томской губернии [14, л. 17, 46].

Немногочисленные поляки, проживавшие среди немцев-католиков в селах и хуторах Челябинского, Троицкого и Кустанайского уездов, часто были связаны родственными отношениями с немецкой диаспорой. К примеру, поселянин Петр Голомбский из поселка Озерного состоял в браке с немкой Флорентиной Гофальц, а жена мещанина из Ячменкуля Андрея Кибиновского происходила из семьи Шульц [15, л. 31; 23, л. 15].

Наиболее дифференцированным предстает национальный состав челябинской (городской) католической общины. Из анализа содержащихся в базе данных сведений о взрослых прихожанах следует, что в 1907–1914 гг. не менее 49,8 %

от их числа составляли поляки, как минимум 21,9 % зафиксированных церковными реестрами членов общины были представлены немцами, 5,5 % – белорусами, 2,8 % – украинцами (с учетом вероятных украинцев из регионов со смешанным польско-малороссийским населением), 2,5 % – литовцами, 1,2 % – чехами, 1,2 % – русскими, 0,6 % – представителями иных национальностей. В 14,5 % случаев национальность не была установлена, но, по видимому, и в этой категории прихожан преобладали поляки и польки. Неслучайно местное православное население, по словам ксендза Фомы Пашкевича, отождествляло вообще всех католиков с поляками [16, л. 8 об.].

Из поляков состояло ядро челябинской общины, так как старейшие прихожане принадлежали именно к этой национальности – бывший учитель гимназии и синдик костела Франц Иванович Круковский [14, л. 30], члены семьи Щигел, известные благодаря своему хутору, со временем превратившемуся в поселок Шагол. В метрических записях упоминаются Теодор Щигел и его дочери – Анна, вышедшая замуж за Иосифа Шубарчика (Шубарчука), и Марцелла, в замужестве Дашук [17, л. 48; 15, л. 79, 112 об.; 18, л. 36 об.; 14, л. 8, 24]. Тем не менее, как и в структуре немецкого населения, среди поляков Челябинска преобладали крестьяне-переселенцы, наводнившие регион в начале столетия. Их привлекала возможность получить в бесплатное пользование казенные земли Оренбургья и Тургайской области: только 7 апреля 1905 г. в Челябинск прибыли 1200 самовольных переселенцев из Люблинской губернии. На основании этого факта обычно делается вывод о том, что самая мощная волна миграций поляков в регион шла именно из Люблинской губернии [19, с. 37]. Вместе с тем анализ метрических книг свидетельствует о преобладании среди челябинских поляков выходцев из Седлецкой губернии. Ареал их первоначального обитания можно обозначить довольно точно. Так, из Радинского уезда Седлецкой губернии происходили семьи Белецких, Ветошко, Вронюк, Гришук, Дерылло, Ивашко, Корпыш, Левчук, Пасыч, Портиневич, Потапчук (гмина Яблонь); Богуш, Вонсович, Ус, Шенявских, Ярошук (гмина Желизна); Елешук, Козловских, Парульских (гмина Тлустец); Козелл и Телегуй (гмина Суховоля); из гмины Шостка вышли Гринчуки; из гмины Конколевица – Гриневици и Камун. Влодавский уезд был родиной семейств Войтович, Дашук, Дорошук, Драгон, Климович, Коссовских, Макаревич, Марчук, Петрович, Тymoшук, Чечот, Шубарчик (гмина Городище); Борсух, Крживда, Мацеюк (гмина Ополе) и Рожалевских (гмина Турно). Из Луковского уезда выехали Лемешек и Ярошевичи (гмина Лысобьки), из Константиновского – Андржейчук и Яшук (гмина Ольшанка), из Бельского уезда – Заневичи, Карповичи, Клепатские, Кузмицкие, Кучинские, Сабеховичи, Юнкевичи (гмины Любенка

и Ломазы) и иные. Возможно, часть этих семей исповедовала униатство и была депортирована на Урал за отказ принимать православие, так как, по некоторым данным, под Челябинском в 1910 г. существовали поселения из униатов Седлецкой губернии [19, с. 38].

Люблинская губерния значителен как место рождения весьма немногих поляков Челябинска: Лещинских, Чесло (Цисло) (Грубешовский уезд, гмина Грабовец) и Шиделко (Замойский уезд, гмина Зверинец). Вероятно, это объясняется тем, что прибывшие в 1905 г. уроженцы этой губернии массово отправлялись обратно [19, с. 37]. В целом переселенческий процесс затронул многие губернии Царства Польского и Западного края – Радомскую губернию (Радомский и Конский уезды), откуда в Челябинск перебрались семьи Августинов и Ястржембских; Калишскую (Барковские, Карасики, Воеводы, Кицинские и другие фамилии); Сувальскую (Домбровские и Ярос из Августовского уезда); Петроковскую (Котлицкие, Октуловичи, Чесляк и другие). Немногочисленные переселенцы прибыли из Ломжинской губернии (Мелион, Хмелевские), Плоцкой губернии (Колпачинские) и Варшавской (Игнатий Чижевский из гмины Нарушево Плонского уезда). Ощутимая доля челябинских поляков переселялась также из Литвы, Белоруссии и Малороссийского края – из Ковенской, Виленской, Каменец-Подольской, Вольнской, Гродненской и Витебской губерний. В отличие от поселян-немцев, продолжавших возделывать землю, многие польские крестьяне стремились обосноваться в Челябинске. Они либо сразу приобретали городские профессии и становились служащими, либо делали это после нескольких лет занятий хуторским земледелием, как в случае с крестьянами Андреевской и Белоярской волостей Челябинского уезда Коссовскими, Кучинскими, Марчуками, Якубовскими и иными, перебравшимися в уездный город. То же самое характерно для городских немцев: в основном немцы католического исповедания, жившие в Челябинске, получили землю в уезде и изначально являлись крестьянами, но по ряду причин переехали из дальних хуторов и заимок в город. Они сохраняли тесные связи родства со своими однофамильцами на селе.

Белорусская диаспора Челябинска была представлена крестьянскими семьями из Двинского, Дриссенского, Полоцкого, Лепельского и Люцинского уездов Витебской губернии; Белостокского, Гродненского и Пружанского уездов Гродненской губернии; Игуменского и Новогрудского уездов Минской губернии; Дисненского, Вилейского, Свенянского, Лидского и Опшмянского уездов Виленской губернии. К данной диаспоре принадлежали мещане города Брест-Литовска Солтан, крестьянские семьи Балундзь, Борисёнок, Грешкель (Грейшкель), Дзауба, Радзюк, Реут, Чургель, Сто-

риных (Сторинских), Мацеша, Сеницыных (Сеницких) и другие.

Украинцы-католики прибывали из Винницкого, Балтского и Летичевского уездов Подольской губернии – как, например, Маевские, Мацедонские (Македонские), Овсянецкие. Нередко они происходили из гмин Привисленского края со смешанным польско-малороссийским населением и находились в кровном и духовном родстве с земляками-поляками. Среди таковых – Роман Гожелюк, Григорий Гурко, Викентий Онищук и другие уроженцы Седлецкой губернии. Также украинцы переселялись из Липовецкого уезда Киевской губернии (Иван Жулинский, Иосиф Офельский) и Старобельского уезда Харьковской губернии (Савелий Рыбенцов).

В перечне челябинских католиков можно найти немало литовских фамилий: Вилюнас (Велунас), Густайтис, Жиргулис, Касперунас, Кличунас, Мартинайтис, Петрайтис, Раудуве, Урпяжис, Чибер и другие. Их родиной являлись Свенцянский уезд Виленской губернии и различные уезды губернии Ковенской (Ковенский, Шавельский, Вилькомирский, Россиенский, Понежевский, Новоалександровский).

В метрических книгах челябинского костела отмечены и лица совсем «экзотических» для Южного Урала национальностей. Так, в начале 1909 г. в Челябинске находилась чета итальянцев – Джеминиан Челли с супругой Джованной (урожденной Мира). Их дочь Анна, итальянская подданная, венчалась в костеле с крестьянином из Тургайской области немцем Петром Гейером [15, л. 98]. В том же 1909 г. в костеле был обвенчан персидский подданный католик Бадан Саркис с девицей Паулиной Гинкель [15, л. 98]. На золотых приисках Анонимного общества вплоть до своей смерти, последовавшей в 1913 г., служил французский подданный Эмиль Альбер Вотье, оставивший после себя вдову Жанну-Аглаю (урожденную Леруа) [20, л. 44]. Среди австрийских военнопленных, скончавшихся во второй половине 1914 г. и похороненных ксендзом в Челябинске, можно встретить немало чехов и венгров [14, л. 43 об., 45 об., 47–49 об.]. В поселке Придорожном Тургайской области жил швед-католик Иоганн Седерстрём [15, л. 63].

Таким образом, национальная структура челябинской католической общины выглядит гораздо более дифференцированной по сравнению, например, с екатеринбургской. В последней (по крайней мере, по данным переписи 1897 г.) также преобладали поляки, но они составляли более 80 % верующих, что позволяет относить екатеринбургскую общину к этноконфессиональным сообществам с несущественными вкраплениями немцев, а также литовско- и русскоязычных элементов [6, с. 73].

Социальный состав католиков в уездных городах (Челябинске, Троицке, Кустанае) был весьма разнообразным, однако в приходе явно преобладали крестьяне (вместе с поселянами-колонистами они составляли около 82 % зарегистрированных в источ-

нике персон). Даже в челябинской (городской) общине доля крестьян была наибольшей – к данному сословию принадлежали 67,6 % взрослых мужчин из персонально учтенных верующих в 1907–1914 гг. Вторая по численности сословная группа католиков в Челябинске – мещане (13,1 % всех отмеченных в метриках мужчин). Преимущественно это были поляки, белорусы и литовцы, получившие сословные права у себя на родине, – мещане городов Варшавы (Душинские, Косцельские, Поплавские, Мешковские), Лодзи (Витковские), Ковно (Адамкевичи, Лесковские), Вилкомира (Абрамовичи), Шавли (Буткевичи), Вильно (Малиновские, Пешко, Пржегалские, Рыхлицкие), Минска (Бесман), Двинска (Данилеви-чи), Слонима (Бурдо), Сенно (Битые-Шляхто) и прочие. В то же время нередко бывшие крестьяне Царства Польского и западных губерний приобретали статус мещан уже в городах Южного Урала – Челябинске, Троицке, Оренбурге. Примеров множество: мещанами стали крестьяне Седлецкой губернии Михаил Белецкий, Максим и Ян Вонсовичи, Ян Елешук, Даниил Заневич, Павел Лукашук, Антоний и Ромуальд Макаревичи, Людвиг Марчук, Александр Осяковский и другие.

Среди челябинских католиков ощутимую долю составляли дворяне – к высшему сословию принадлежали 9 % всех представленных в базе данных мужчин. География их выходов такова: дворянами Виленской губернии названы Бейнеровичи, Догиль, Киоц, Петкевичи, Пржегуловские, Шваньские; Минской – Витковские, Добковичи, Ксеневи-чи, Монкевичи, Скуратовичи, Яворские; Ковенской – Вишневские, Ганусовские, Лепарские, Луковичи, Милевичи, Погоржельский; Витебской – Василевский, Олехновичи; Гродненской – Шкилондзь; Киевской – Нейманты; Варшавской – Залеские, Самборский; Люблинской – Ремишевский; Плоцкой губернии – Быховские и другие. В ряде случаев, однако, метрики предоставляют противоречивые данные о сословной принадлежности католиков, что можно объяснить либо ошибкой переписчика, либо преднамеренной ложью участников таинств. Например, Войцех Ниemiра в одном реестре обозначен как дворянин Варшавской губернии, а в другом – как крестьянин Седлецкой губернии [15, л. 18; 25, л. 32]. Аналогичным образом Иосиф Поплавский именуется то дворянином, то варшавским мещанином [17, л. 28; 21, л. 25]. Возможно, в российской глубинке, благодаря отсутствию польской государственности, имели место ложные притязания поляков на шляхетское достоинство.

Регистрационные журналы костела наглядно демонстрируют кризис сословной системы в начале XX столетия, а именно размывание сословных границ. Нередко не только дворяне женились на крестьянках, но и дворянские девушки выходили замуж за мещан и крестьян. Так, в 1911 г. София Барбара Войцеховская из шляхетской семьи Гродненской губернии сочеталась браком с крестьяни-

ном Витебской губернии Лепельского уезда Кубличской волости Петром Боканом [18, л. 30 об.]. Марианна (Мария) Бейнерович состояла замужем за двинским мещанином Адольфом Данилевичем [17, л. 48; 15, л. 91; 18, л. 10; 14, л. 39 об.]. Виленская шляхтянка Юзефа Савицкая в 1909 г. венчалась с русским католиком Михаилом Ереминым, крестьянином Пермской губернии [15, л. 100].

Осенью 1914 г. в Челябинск стали прибывать австрийские и германские военнопленные – их доля составляет 6,5 % от перечисленных в базе данных мужчин-католиков города. К иностранным подданным, стоявшим вне сословий, относятся 2,5 %; все остальные категории (пересыльные арестанты, административно высланные, потомственные граждане) в совокупности имеют долю в 1,3% (см. рис. 2).

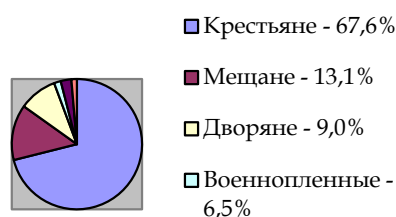

Рис. 2. Социальный состав католической общины г. Челябинска в 1907–1914 гг. (лица мужского пола, зафиксированные в метриках)

Fig. 2. The social composition of the Catholic community in Chelyabinsk in 1907–1914 (males recorded in metrics)

Очевидно, что челябинская католическая община была гораздо менее «аристократической» (дворянской), нежели екатеринбургская. Со всем основанием ее можно признать крестьянско-разночинной. В Екатеринбурге, например, в конце XIX в. 69 % католиков принадлежали к потомственному и личному дворянству, а доля крестьян среди них не превышала 8 % [6, с. 73]. Впрочем, из-за миграций населения в начале XX столетия ситуация в городе на Исети могла существенно измениться.

Метрические книги почти всегда ограничиваются указанием сословного статуса верующих и крайне редко упоминают род их деятельности, поэтому выявить социопрофессиональную структуру прихода на основе регистрационных журналов не представляется возможным. Однако на основе привлечения иных источников (адрес-календарей, мемуарных свидетельств) можно предположить, что едва ли не большая часть челябинских католиков (имеются в виду исключительно горожане) была представлена мелкими чиновниками, служащими в конторах и лавках, ремесленниками, а также людьми, занятыми в сфере услуг и торговли. Из зарегистрированных в базе данных лиц отметим колбасника привокзальной части Челябинска Иоганна Бухольца, владельца оружейного магазина Ромуальда Монкевича, члена совета Общества взаимного кредита Мариана Салецкого, помощника билетного кассира на

станции Челябинск Станислава Барковского, смотрителя склада при Конторе материальной службы Сибирской железной дороги Петра Стрыхожевского, судебного пристава Станислава Ратайского, канцелярского чиновника на таможне Казимира Ремишевского [21, с. 57, 60, 69, 81, 121–122, 135–136], телеграфиста Семена Васильева [16, л. 12], ректификатора на винокуренном заводе братьев Покровских Станислава Косциновича [22, с. 52], аптекарского помощника Людовика Якуца [15, л. 92, 112; 20, л. 42 об.]. Поляки-католики составляли цвет местной интеллигенции, к которой можно причислить начальника службы пути на Сибирской железной дороге инженера Юлиана Александровича Коссовского [23, с. 127; 21, с. 122; 24, л. 51], героя Севастопольской кампании Владислава Фердинандовича Сапегу-Ольшевского [24, л. 51 об.], инженера Гервасия Пржегальского [21, с. 123], коллежского советника, бывшего учителя латинского языка в гимназии, а затем младшего помощника надзирателя в акцизном управлении Франца Ивановича Круковского [21, с. 51, 78, 82], акцизного контролера и бывшего провизора Бронислава Снежко [22, с. 120, 127, 144], ветеринарного врача и надворного советника Болеслава Витковского [18, л. 36], провизора Сигизмунда Курчевского [24, л. 50], судебного следователя Роберта Яворского [21, с. 68] и многих других.

Среди прихожан костела нетрудно обнаружить военнотрудовых. Это были рядовые, унтер-офицеры и младшие офицеры 195-го Орловского полка, 196-го Гусарского, 12-го пехотного Великолуцкого и других полков. Тем не менее их доля, очевидно, была меньше доли гражданских специалистов. Различные источники зафиксировали множество имен поляков на гражданской службе, которые не отмечены в метрических книгах прихода, но с большой вероятностью принадлежали к общине. Среди них – становой пристав села Куртамыш Станислав Нециовский, врач станицы Усть-Уйской Людвиг-Иосиф Матусевич, начальник почтово-телеграфной конторы в Троицке Николай Войтяховский, частный поверенный на Миасском заводе Иосиф Ольшевский, коллежский асессор Витольд Оссовский [23, с. 90, 92, 95, 98, 110, 115, 120], акцизные чиновники Витольд Казимирович Пилецкий и В. М. Лисовский, земский начальник Селецкий [22, с. 30, 66, 89, 156, 191, 235], врач Кундравинской станицы Владислав Львович Конвалевский [25, с. 115] и иные.

Выводы

В результате изучения метрических записей и введения в оборот более чем двух тысяч имен прихожан челябинского костела стала возможной научная реконструкция «европейской» составляющей южно-уральского социума в начале XX столетия. Воссозданный на основе полученных данных образ среднестатистического челябинского католика условен, но легко узнаваем: как правило, это поляк или (гораздо реже) немец, выходец из крестьян, по-

селившийся в городе и влившийся в городское сословие благодаря служебным занятиям, ремеслу и торговле. В сельской местности, напротив, католик чаще всего был немцем по национальности и поселянином по социальному положению и роду занятий. Поляки общины преимущественно происходили из крестьян Седлецкой губернии, а немцы – из колонистов Херсонской, Таврической и Екатеринославской. Кроме них в приходе состояли белорусы, украинцы, литовцы, чехи и представители иных национальностей, что позволяет признать конфессиональное сообщество челябинских католиков в полной мере полиэтническим. Католики региона, как правило, имели семью и редко вступали во внебрачные связи (по крайней мере, с единоверцами), придерживаясь нравственных устоев традиционного общества. Сведения о них, представленные в базе данных и статье, существенно детализируют картину присутствия на Южном Урале выходцев из стран Центральной и Западной Европы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-74001 «“Европейская” составляющая южно-уральского социума: прихожане челябинского костела и их социальные связи в начале XX века».

Литература

1. Боже, В. С. Очерк церковно-религиозной жизни Челябинска начала XX века / В. С. Боже // Челябинск неизвестный : краевед. сб. – Вып. 1. – Челябинск, 1996. – С. 23–64.
2. Мухамадеева, Л. Р. Католичество в Челябинске: История и современность / Л. Р. Мухамадеева. – Челябинск : ИД Олега Сеницына, 2008. – 68 с.
3. Горак, А. Метрические книги католического прихода в Казани в XIX – начале XX в. / А. Горак // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 3 (154). – С. 54–67.
4. Князева, Е. Е. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / Е. Е. Князева. – СПб., 2005. – 438 с.
5. Недзелюк, Т. Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник / Т. Г. Недзелюк // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 3. – С. 129–135.
6. Главацкая, Е. М. Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. по материалам переписей и метрических книг / Е. М. Главацкая, Ю. В. Боровик, А. В. Бобицкий // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 3 (154). – С. 68–84.
7. Заболотных, Е. А. Последний путь: метрические книги польского католического прихода г. Екатеринбурга в конце XIX – начале XX вв. (раздел о смертях) / Е. А. Заболотных, Е. М. Главацкая // Церковь. Богословие. История : материалы международной научно-богословской конференции. – Екатеринбург : ЕДС, 2017. – С. 345–352.
8. Андреев, А. Н. База данных «Челябинские католики начала XX века по метрическим записям римско-католического прихода». Ч. 1: Дети-католики / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева. – URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P1.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
9. Андреев, А. Н. База данных «Челябинские католики начала XX века по метрическим записям римско-католического прихода». Ч. 2. Т. 1: Взрослые / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева. – URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P2V1.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
10. Андреев, А. Н. База данных «Челябинские католики начала XX века по метрическим записям римско-католического прихода». Ч. 2. Т. 2: Взрослые / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева. – URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P2V2.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
11. Андреев, А. Н. База данных «Челябинские католики начала XX века по метрическим записям римско-католического прихода». Ч. 2. Т. 3: Взрослые / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева. – URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P2V3.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
12. Калентьева, С. В. Комплексный анализ факторов, определяющих соотношение числа рождающихся мальчиков и девочек / С. В. Калентьева, М. А. Кабанова // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. – 2010. – Т. 30, № 5. – С. 93–96.
13. Кваша, Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке / Е. А. Кваша // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 47–55.
14. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 386.
15. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 232.
16. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 128. – Д. 510.
17. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 167.
18. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 273.
19. Леончик, С. Польские крестьяне на территории Урала в конце XIX – начале XX вв. / С. Леончик // Поляки в истории и культуре Урала. – Пермь : Форвард-С, 2014. – С. 34–41.
20. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 367.
21. Весновский, В. А. Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник / В. А. Весновский. – Челябинск : Тип. Л. Б. Бреслиной, 1909. – 138 с.
22. Теплоухов, К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. / К. Н. Теплоухов. – Челябинск : Центр историко-культ. наследия, 2001. – 512 с. : ил.
23. Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 год. – Оренбург : Губерн. тип., 1912. – IV, 133, XXVII, [69] с.
24. ЦГИА СПб. – Ф. 2292. – Оп. 1. – Д. 237.
25. Либединский, Ю. Н. Воспитание души / Ю. Н. Либединский // Избр. произведения : в 2 т. – Т. 2. Воспоминания. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 77–276.

CHELYABINSK CATHOLIC CHURCH IN THE EARLY 20-TH CENTURY: THE NATIONAL AND SOCIAL STRUCTURE ACCORDING TO THE PARISH REGISTERS

A. N. Andreyev

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article reveals the national and social structure of the Chelyabinsk Catholic Church parishioners, analyzes the directions of Catholic migration flows to the South Ural region and determines the geography of Catholics origin. It pays attention to some social processes (such as internal migrations, vertical mobility) and demographic trends in this confessional community. The study is based on a statistical analysis of the Chelyabinsk Catholics database of the parish registers for 1907–1914, which were first introduced into scientific circulation. The author divides the parish into two parts: urban, which mainly consisted of Poles in the Chelyabinsk city community, and rural, represented by Catholics in the counties and mainly composed of Germans. The study showed that the majority of the Poles-parishioners were from the Siedlce province, while the Germans mainly came from the Taurida, Kherson, and Ekaterinoslav provinces. The confessional community of Chelyabinsk Catholics was multi-ethnic, so the subject of the analysis in the article is also the Belarusian, Ukrainian and Lithuanian Diasporas of the city. The study reveals that the peasant class predominated in the Chelyabinsk community and the parish as a whole. A significant percentage of Chelyabinsk residents of the Catholic confession were lower-middle class (13,1 % of all men marked in the registers) and nobles (9 % in the same category of persons). However, the town's Catholic congregation is considered to be a peasant-commoners community.

Keywords: Catholics of Chelyabinsk, national structure of parish, social composition, population migration, colonists, parish registers, descriptive statistics, historical demography.

References

1. Bozhe V.S. Ocherk tserkovno-religioznoy zhizni Chelyabinska nachala XX veka [An Essay on the Church and Religious Life of Chelyabinsk in the Early 20-th Century] // *Chelyabinsk neizvestnyi*. Chelyabinsk, 1996. Iss. 1. S. 23–64.
2. Mukhamadeeva L.R. Katolichestvo v Chelyabinske: Istoriya i sovremennost' [Catholicism in Chelyabinsk: History and Modernity]. Chelyabinsk, 2008. 68 s.
3. Gorak A. Metricheskiye knigi katolicheskogo prikhoda v Kazani v XIX – nachale XX v. [Catholic Parish Registers in Kazan between the 19-th and early 20-th Centuries] // *Izvestiya UrFU*. 2016. Vol. 18. № 3. S. 54–67.
4. Knyazeva E.E. Metricheskiye knigi Sankt-Peterburgskogo konsistorial'nogo okruga kak istochnik po istorii lyuteranskogo naseleniya Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Church Registers of the St. Petersburg Consistorial District as a Source for the History of the Lutheran Population in Russian Empire between the 18-th and early 20-th centuries: Dissertation of Cand. Hist. Sc.]. SPb., 2005. 438 s.
5. Nedzelyuk T.G. Metricheskiye knigi sibirskikh katolicheskikh prikhodov kak reprezentativnyy istoricheskiy istochnik [Siberian Rome Catholic Common Vestries as a Representative Historic Source] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011 № 3. S. 129–135.
6. Glavatskaya E.M., Borovik J.V., Bobitsky A.V. Katoliki Ekaterinburga v kontse XIX – nachale XX v. po materialam perepisey i metricheskikh knig [The Catholic Community of Yekaterinburg between the Late 19-th and Early 20-th Centuries According to the 1897 Census and Church Records] // *Izvestiya UrFU*. 2016. Vol. 18. № 3. S. 68–84.
7. Zabolotnykh E.A., Glavatskaya E.M. Posledniy put': metricheskiye knigi pol'skogo katolicheskogo prikhoda g. Ekaterinburga v kontse XIX – nachale XX vv. (razdel o smertyakh) [The Final Journey: Registers of the Polish Catholic Parish of Yekaterinburg between the Late 19-th and Early 20-th centuries (section on deaths)] // *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya*. Yekaterinburg, 2017. S. 345–352.

8. Andreev A.N., Andreeva Y.S. Baza dannykh «Chelyabinskiye katoliki nachala XX veka po metriceskim zapisyam rimsko-katolicheskogo prikhoda». Ch. 1: Deti-katoliki [Database «Chelyabinsk Catholics in the Early 20-th Century by Registers of Roman Catholic Parish». P. 1: Catholics children]. URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P1.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2021).
9. Andreev A.N., Andreeva Y.S. Baza dannykh «Chelyabinskiye katoliki nachala XX veka po metriceskim zapisyam rimsko-katolicheskogo prikhoda». Ch. 2. T. 1: Vzroslye [Database «Chelyabinsk Catholics in the Early 20-th Century by Registers of Roman Catholic Parish». P. 2. Vol. 1: Adults]. URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P2V1.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2021).
10. Andreev A.N., Andreeva Y.S. Baza dannykh «Chelyabinskiye katoliki nachala XX veka po metriceskim zapisyam rimsko-katolicheskogo prikhoda». Ch. 2. T. 2: Vzroslye [Database «Chelyabinsk Catholics in the Early 20-th Century by Registers of Roman Catholic Parish». P. 2. Vol. 2: Adults]. URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P2V2.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2021).
11. Andreev A.N., Andreeva Y.S. Baza dannykh «Chelyabinskiye katoliki nachala XX veka po metriceskim zapisyam rimsko-katolicheskogo prikhoda». Ch. 2. T. 3: Vzroslye [Database «Chelyabinsk Catholics in the Early 20-th Century by Registers of Roman Catholic Parish». P. 2. Vol. 3: Adults]. URL: <https://culture.susu.ru/attachments/article/6/Chelyabinsk%20Catholics%20DB%20P2V3.pdf> (data obrashcheniya: 27.04.2021).
12. Kalentyeva S.V., Kabanova M.A. Kompleksniy analiz faktorov, opredelyayushhikh sootnoshenie chisla rozhdayushhihsya mal'chikov i devochek [Complex Analysis of the Factors Defining the Proportion of Born Boys to Girls] // *Byulleten Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk*. 2010. Vol. 30. № 5. S. 93–96.
13. Kvasha E.A. Mladencheskaya smertnost' v Rossii v XX veke [Infant Mortality in 20-th Century Russia] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003. № 6. S. 47–55.
14. TGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. D. 386.
15. TGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. D. 232.
16. RGIA [RSHA]. F. 821. Op. 128. D. 510.
17. TGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. D. 167.
18. TGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. D. 273.
19. Leonchik S. Pol'skie krest'yane na territorii Urala v kontse XIX – nachale XX vv. [Polish Peasants in the Ural Region between the Late 19-th and Early 20-th centuries] // *Polyaki v istorii i kul'ture Urala*. Perm, 2014. S. 34–41.
20. TGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. D. 367.
21. Vesnovsky V.A. Ves' Chelyabinsk i ego okrestnosti: karmannyi spravochnik [All of Chelyabinsk and its Environs: a Pocket Guide]. Chelyabinsk, 1909. 138 s.
22. Teploukhov K.N. Chelyabinskiye khroniki: 1899–1924 gg. [Chelyabinsk Chronicles: 1899–1924]. Chelyabinsk, 2001, 512 p.
23. Adres-kalendar' i spravochaya knizhka Orenburgskoy gubernii na 1912 god [Address-calendar and Reference Book of the Orenburg Province for 1912]. Orenburg, 1912, IV, 133, XXVII, [69] p.
24. TGIA SPb [CSHA SPb]. F. 2292. Op. 1. D. 237.
25. Libedinsky Y.N. Vospitaniye dushy [Formation of my Soul] // *Izbrannye proizvedeniya*. 1980. Vol. 2. S. 77–276.

Aleksandr N. Andreyev – professor of Department of Theology, Culture and Arts, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: alxand@yandex.ru

Received April 30, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Челябинский костел в начале XX века: национальная и социальная структура прихода на основе метрических книг / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 13–21. DOI: 10.14529/ssh210302

FOR CITATION

Andreyev A. N. Chelyabinsk Catholic Church in the Early 20-th Century: the National and Social Structure According to the Parish Registers. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 13–21. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210302